

М.Н. Крылова

Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия, Зерноград

Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения

Аннотация: В статье рассматривается реализация концепта «север» посредством образов сравнений, встречающихся в современном русском языке. Север России, Сибирь занимают важное место в системе символов, характерных для миропостроения современного носителя языка.

The paper discusses the implementation of the concept «North» through the images of comparisons used in modern Russian. The North of Russia, Siberia, occupy an important place in the system of symbols characteristic of the world-view of the modern native speaker.

Ключевые слова: концепт «север», Север России, Сибирь, языковая личность, сравнительные конструкции.

Concept «North», North of Russia, Siberia, language personality, comparative constructions.

УДК: 808.2

Контактная информация: Ростовская область, г. Зерноград, ул. Ленина, 21. АЧГАА, кафедра профессиональной педагогики и иностранных языков. E-mail: krylovamn@inbox.ru.

Север как место развития самобытной русской культуры и особое культурное пространство – сложное понятие, не имеющее устоявшегося определения, и предмет исследования разных наук. Север России в современной культурологии, этнографии, филологии трактуется гораздо шире, чем просто географическое или административное понятие. Это явление историко-культурное, своеобразный этнографический заповедник, хранилище живых народных культурно-бытовых традиций, письменных, устных и вещественных памятников народного творчества. Не удивительно, что Север и связанные с ним явления с давних пор вызывает устойчивый интерес у этнографов, историков, археологов, фольклористов и других ученых, а его неповторимый образ увековечен в произведениях искусства, в образном слое русского языка и, в том числе, в образной сфере современного русского сравнения.

Языковые явления, связанные с Севером России, могут быть охарактеризованы как концепт «север», занимающий важное место в русской концептосфере, но, несмотря на это, еще не изученный в полной мере. Когнитивная лингвистика понимает концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [Маслова, 2005, с. 36]. По словам Д.С. Лихачева, под концептом подразумевается совокупность всех значений и понятий, возникающих при произнесении и осмыслении данного слова в сознании индивидуальной личности, а также система представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциирования [Лихачев, 1993, с. 3]. По мнению В.И. Карасика, «концепты – это ментальные образования,

которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2005, с. 95]. Л.А. Шарикова считает, что «концепт есть ментальная, то есть мыслительно-поведенческая, единица человеческого сознания, отражающая фрагмент картины мира в процессе контаминации отдельных функций познавательно-оценочной деятельности человека в отношении окружающей среды» [Шарикова, 2009, с. 159].

Исходя из этих трактовок, концепт «север» мы определяем как совокупность значений, понятий и ассоциаций, возникающих у современной русской языковой личности в процессе осмысления явлений, связанных с Севером России, Сибирью, Дальним Востоком.

Описанию языковой репрезентации концепта «север», его места в русской языковой картине мира уделяли внимание А.Н. Егорова, А.М. Литовкина, Д.Ф. Рахимова, Е.А. Федорова, В.П. Сливинский и другие лингвисты. Проводились исследования, в которых анализируется восприятие образов, связанных с Севером, Сибирью, отдельным автором (Е.А. Макарова). В то же время проявление данного концепта посредством функционально-семантической категории сравнения еще не становилось предметом исследования в лингвистике.

Мы проанализировали более 6100 сравнительных конструкций, отобранных из различных форм современного русского языка – художественной литературы, средств массовой информации, устной речи. Применялось два метода сбора материала: метод сплошной выборки и выбор с использованием Национального корпуса русского языка.

Сравнение – одно из самых ярких средств языка, устанавливающих связи и отношения между предметами и явлениями действительности. Эти связи позволяют наглядно представить сравниваемые предметы и явления и глубже понять и познать их. При анализе сравнительных конструкций наиболее интересна интерпретация образной части конструкции, то есть, по нашей терминологии, – объекта сравнения. Нас интересовали в первую очередь те сравнения, объектами (образами) которых стали явления, связанные в сознании современной языковой личности с Севером России, Сибирью. Количество таких примеров – около 0,5 % анализируемого языкового материала – позволяет нам предпринять попытку оценить место символов Севера в системе образов, актуальных для современного носителя языка, особенности восприятия Севера современной языковой личностью.

В первую очередь Север, Сибирь ассоциируются у носителя языка с холодом, морозом. Выражения «холодно как в Сибири», «холодно как на севере» стали традиционными в языке и используются не менее часто, чем выражение «холодно как зимой». Примеры с подобными ассоциациями, как правило, не являются образными, в них просто констатируется факт, например: *Зима в Чечне, конечно, не такая суровая, как в Сибири...* (ж. «Знамя»). С северными холодами языковая личность сопоставляет не только явления природы, но и внутренние состояния, переживания, например: *Человек, при всем том отнюдь не чуждый утопического энтузиазма и мистических порывов за пределы наличной истории (бывают порывы не только горячие, но и ледяные, как северный ветер)* (А. Архангельский. Александр I).

Именно с холодом, с суровой северной зимой связана еще одна особенность восприятия Севера – северный холод, северный ветер становятся символами заброшенности, одиночества, безнадежности. Например: *...Не только видеть другого человека не хочется, но и просто видеть, смотреть вокруг страшно и внутри человека, как северный ветер, всё воет от безнадежности и страдания* (В. Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий). А северное море символизирует для современной языковой личности холод в сочетании с недоступностью, отчужденностью, резкостью, например: *Громадный, напитанный, как северное море, бодрящей резкостью, хор к спектаклю «Ярополк и Олег»*

(едва в этот спектакль втиснувшийся) готовились представить петербургской публике 19 августа 1798 года (ж. «Октябрь»).

Географическая удаленность Севера также нашла отражение в образах сравнений. Как отмечает Е.А. Федорова, «Отправка или дорога в Сибирь в народном сознании приравнивается к путешествию в сакральной мир Смерти, в мир Иного...» [Федорова, 2013, с. 29.]. Для жителя европейской части России Сибирь, Север – это что-то очень далекое, недоступное, некомфортное, труднопроходимое. Например: *...В городе так же необходим новичку проводник, как в тундре* (В. Голованов. Ненцы идут). При этом в сознании носителя русского языка Север, несмотря на географическую удаленность, всё еще является регионом, где можно заработать больше денег, например: *В сознании мира Российская футбольная лига (как Норильск в сознании москвича) – неаппетитная, но весьма выгодная шабашка* (г. «Известия»), хотя такие представления, уходящие корнями в советскую эпоху, сейчас, бесспорно, устарели.

Среди объектов, ассоциируемых с Севером, Сибирью, преобладают образы, связанные с природой. При этом для носителя языка несомненны чистота и первозданность северной природы, как это модно сейчас говорить, «экологичность», сохранность природной среды. В восприятии языковой личности природа Севера не тронута человеком, не испорчена в той степени, как природа европейской части России. Например: *По краям двумя ажурными стенами возвышались высокие ёлки, не яркие и лохматые, как в Сибири, а полупрозрачные...* (М. Козлачкова. Загадочная голова). Кроме того, северная природа позиционируется как дикая, плохо освоенная, непроходимая, например: *Дурак дураком, непроходимый как сибирское болото, а туда же!* (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч»). При этом неизменным остается позитивное восприятие северной, сибирской природы, теплое, отношение к ней говорящего: *Ты знаешь, он такой дремучий оказался, как тайга, и такой же хороший* (телесериал «Одиночество любви»).

Еще одна черта северной природы, нашедшая отражение в сравнительных конструкциях, – неяркость, бледность тонов, например: *Там как северный ландшафт. Во-первых, краски приглушенные, напоминающие, сумерки на реке, – то самое красивое состояние природы, когда всё успокаивается, и вот уже контрастов нет, а есть одни нюансы* (А. Клейн. Зов бездны). Контрастирующая с привычной яркостью современной жизни, бледность северной природы подчас оценивается современной языковой личностью негативно, как невыразительность или неприглядность, например: *На обочине тлея, фара выхватывает затылок: бугорок сугроба, который, стаяв, приоткрыл облезший, как тундра, трупик щенка* (А. Иличевский. Ослиная челюсть).

Неудивительно, что северная природа становится символом бедности, скудости, например: *В том северном краю, где Петя по долгу службы проводил десять-одиннадцать месяцев в году, выбор женщин был до неприличия скудным – как тундра, окружающая город со всех сторон* (А. Троицкий. Удар из прошлого). В сознании носителя русского языка твердо закрепилось знание о том, что на Севере, в Сибири нет полноценного сельского хозяйства, нет таких овощей и фруктов, как на Юге, – спелых, ярких, полностью вызревших. Сейчас, когда эта ситуация во многом меняется, и на Севере тоже научились выращивать хорошие плоды районированных сортов, это знание остается неизменным и порождает такие, к примеру, сравнения: *Талант мой, как сибирский плод, недозрев, иссыхает...* (Н. Эйдельман. Последний летописец).

Судя по образам, используемым в сравнительных конструкциях, современная языковая личность вообще мало знает о северной природе, животных и растениях либо знания эти поверхностны. К примеру, из растений наиболее известен говорящему и популярен в качестве объекта сравнения ягель – разновидность лишайника, причем основанием для сравнений с ягелем обычно является непритязательный внешний вид растения: *Архив еще плесневел в Особых Кладовых, в Сек-*

ретной комнате, в сундуках, обросших пылью, как ягелем (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны). При этом ягель – красивое растение, весной похожее на белое кружево, а осенью его листья красиво раскрашиваются, становятся ярко-красными. Значит, сравнение с ягелем, основанием которого является внешняя некрасивость данного лишайника, сходство с пылью, – показатель некомпетентности автора в данном вопросе, незнания им северной природы, обобщенных представлений о ней. В то же время ряд авторов показывают осведомленность о северной природе, к примеру, Людмила Улицкая, которая часто сравнивает что-либо со мхом, при этом создавая живой образ, словно переносящий читателя в тайгу. Например: *Ковер, примятый медными прутьями на каждой ступени, был зыбким и пружинистым, как мох на сухом болоте* (Л. Улицкая. Дар нерукотворный).

Наиболее распространенный образ северного животного – образ северного оленя – выступает символом терпения, неприхотливости, привычки к холоду. Например: *Разумеется, тут был и художник, за последний месяц привыкший к холоду, будто северный олень...* (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке). Встречаются также сравнения с тюленем, который выступает, как правило, символом неподвижного лежания, например: *Мы обошли комнаты, где как тюлени лежали на кроватях евреи, – мужчины, женщины и дети* (Э. Лимонов. Книга воды); и с лайкой, причем актуализируются ее охотничьи качества: *Он сразу стал похож на лайку – простоватая, обманчивая внешность, дружелюбный хвост колечком и задатки высококлассного охотника* (М. Баконина. Школа двойников).

А вот ожидаемые сравнения с белым медведем единичны, в них подчеркивается ловкость этого животного, которая для говорящего несколько неожиданна с учетом его размеров и неторопливости движений, например: *...Расчетлив, как белый медведь, выжидающий у лунки нерпу, чтобы ударом перебить ей хребет* (С. Есин. Имитатор).

Природное явление, о котором лучше всего осведомлена языковая личность, – конечно, северное сияние. Основанием для сравнений становится красота данного явления, его необычность, сочетание и переливы разных цветов, например: *Всполохи, проходя через цветные стекла, бросали на сводчатые стены синие, вишневые и желтые пятна, и это было похоже на северное сияние* (И. Ратушинская. Одесситы). Основание может быть и менее ожидаемым, например, просто расположение северного сияния, его значительная продолжительность по времени: *Набат качался над головами, над крышами, над шатрами башен городка, как северное сияние* (А. Иванов. Сердце Пармы).

Как видим, большая часть символических образов, связанных с Севером России, отсылают к природе, ее объектам и явлениям, а не к человеку. Сравнения, в которых символами выступают какие-то качества людей, живущих на севере, единичны. Например: *Теперь понимаю, что более дружных, чем в Сибири, людей нет нигде* («Криминальная хроника»). В анализируемом материале находим также наименование города – Кизи, используемое как символ красоты объектов, созданных руками человека. Например: *Над ним зоновские умельцы трудились, у них руки золотые, да и с душой к этому делу подошли. Красотища, как в Кижях* (А. Ростовский. Русский синдикат).

Особого разговора заслуживает символика северных народов, нашедшая отражение в современных сравнениях. Названия большинства северных народов: коряки, ханты, ненцы, якуты, эвенки и др. – не используются в качестве образов сравнений. Несомненно, главным, обобщенным образом представителей всех северных народов и народностей для носителя русского языка является образ чукчи. Однако знакомые по анекдотам черты чукчи – невежество, простодушие, глупость, наивность, нелогичность мышления – в сравнениях не нашли яркого отражения. Чукча как символ, связанный с Севером, заслуженно или незаслуженно

наделяется современной языковой личностью следующими особенностями и качествами:

- всегда теплая одежда: *А он как чукча, в зимней куртке и меховой шапке...* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы);
- передвижение на особых видах транспорта – нартах, собаках, оленях: *Подпрыгивая и разбивая башкой в пыль встречные сугробы, летишь, увлекаемый куполом, как чукча на нартах, отчаянно пытаешься подтянуть выскальзывающие из пальцев нижние стропы и не успеваешь выплевывать снег, забивающий рот* (Н. Рубан. Тельняшка для киборга);
- нечистоплотность: *На самом деле я не мылся, я как чукча здесь* (телепередача «Жди меня»);
- рассказ, речь в стиле «поток сознания»: *Как чукча – что вижу, то пою: «И привет, и я пришла, и по Феденьке соскучилась, и бежала...»* (Интернет-форум);
- старательность в сочетании с невежественностью: *Пророки и апостолы рассуждали о божественном, как чукотские оленеводы о шоколаде* (М. Елизаров. Pasternak).

Как видим, это признаки, в основном связанные с внешними качествами, присущими представителям северных народов.

Кстати, не всегда сравнения с объектами, связанными с концептом «север», имеют особый глубокий смысл и отсылают к каким-то символам. В анализируемом нами материале неоднократно встречаются примеры, в которых слово «сибирский» используется автором сравнения мимоходом, «к слову», просто для привлечения внимания. В этом случае сравнение не всегда удачно, а образ может выглядеть нелепо, слабо, например: *Торчишь среди индусов, как сибирский пень* (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч»). Хотя, возможно, даже в таком, на первый взгляд, бессмысленном добавлении слова «сибирский» также можно увидеть символ: север, Сибирь ассоциируются с чем-то неожиданным, странным, выбивающимся из обычного строя жизни. Например: *Валентина – о переводе обратно в Новосибирск, Илья Иосифович – о милой девице, свалившейся как сибирский снег на его лысую голову...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Несомненно то, что жизнь современного россиянина тесно связана с европейской частью России, в первую очередь с Москвой и средней полосой России. Однако Север России, Сибирь занимают важное место в системе символов, характерных для миропостроения современного носителя языка. Анализ сравнительных конструкций, создаваемых современной языковой личностью, показывает, что Север является символом не только холода и географической удаленности. Символика гораздо сложнее и глубже: от бедности, блеклости, бледности, заброшенности и труднодоступности до красоты, чистоты, экологической нетронутости, символизируемых в основном северной природой. При этом символы часто схематичны, не всегда точны, то есть представления о Севере современного носителя русского языка, не связанного с Севером по месту проживания или роду деятельности, не всегда соответствуют действительности. Север по-прежнему остается для жителя России привлекательной и одновременно пугающей территорией непознанного.

Литература

Егорова Н.А. Концепты «Север / the North» и «Юг / the South» в американской и русской картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005. Вып. 30. С. 95–108.

Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер.: Лит. и яз. Т. 52. 1993. № 1. С. 3–9.

Макарова Е.А. Формирование образа Сибири в творческом сознании В.Г. Короленко // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 68–76.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2005.

Рахимова Д.Ф. Языковая репрезентация концепта NORTH / СЕВЕР в оригиналах и переводах романов Фарли Моузта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

Федорова Е.А. Сибирь в лингвомифологическом континууме России: постановка проблемы осмысления в русском языковом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22-2. С. 27–33.

Шарикова Л.А. Концептуализация мира в сознании человека: методика и исследования концепта // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 158–168.